

14. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре / Ж.-Ж. Руссо. — М. : Канон-Пресс-Ц, 1998. — 416 с.
15. Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов / А. Смит. — М. : Изд-во Солдатенкова, 1895. — 288 с.
16. Токвиль А. де. Демократия в Америке / А. де Токвиль ; предисл. Г. Дж. Ласки ; пер. с фр. — М. : Прогресс, 1992. — 559 с.
17. Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества / А. Фергюсон ; под ред. М. А. Аюрова ; пер. с англ. — М. : РОССПЭН, 2000. — 392 с.
18. Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах / Цицерон. — М. : Наука, 1966. — 223 с.

Поступила 08.06.10.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ: К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ И СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ*

М. Н. Казакова

С момента введения в политический обиход понятия «национальные интересы» возникли дискуссии о смысловом наполнении этого понятия и их конкретном содержании. В статье анализируется понимание национальных интересов в рамках некоторых теоретических направлений политической мысли. В частности, рассматриваются позиции сторонников школы политического реализма и либерализма по вопросам содержания и использования этого понятия в качестве инструмента анализа мировой политики и основы политического поведения.

Национальный интерес практически невозможно определить с исчерпывающей точностью, однако, без использования этого понятия невозможно отобразить сущность национальной безопасности любого государства. Феномену национального интереса в исследовании проблем национальной безопасности уделяется наибольшее внимание как отечественными, так и зарубежными учеными и политиками.

Понятие «национальный интерес» известно с глубокой древности. Со времен формирования суверенных государств данное понятие использовалось для объединения подданных перед лицом внешних угроз, служило обоснованием завоевательных походов, заключения династических браков и т. д. Как отмечает М. В. Ильин, происхождение слова *интерес* — древнеримское. Оно зародилось в сугубо частной сфере, возникнув в разговорной речи. Более осоз-

нанное понятие начинает употребляться с XVI в. «На этапе „осени Средневековья“ параллельно с развитием понятия „капитал“ утверждается идея интереса как процента. Далее интерес употребляется в смысле „важно, существенно“» [5, с. 119–120].

В XVI–XVIII вв., в эпоху возникновения наций в Европе, отождествление государственного расчета и государственного интереса стало важным моментом рационализации и объективизации интереса, детерминировавших затем логику развития этого понятия. Так, в Англии к 40-м гг. XVII в. получает распространение идея общественного интереса как совокупности интересов образующих гражданское общество индивидов, а также обобщенного блага гражданского общества. С общественным интересом связывалась, прежде всего, воля индивидов добиваться реализации собственных целей во внутривнутриполитической жизни без ограни-

* Статья выполнена в рамках АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» (2009–2010 гг.), «Внутри- и внешнеполитические факторы эволюции территориальной организации России (специфика разрешения кризисных и переходных ситуаций)» (проект № 2.1.3/1134).

чений со стороны правительства, руководствующегося государственной необходимостью и приоритетами внешней политики, что в теоретической форме отразилось в локковской модели разделения властей с выделением особой федеративной (внешнеполитической) власти [5, с. 122–123].

С укоренением современных политий (XVIII–XIX вв.) и формированием устойчивых связей между государством и гражданским обществом вполне отчетливыми становятся параметры основных типов политических интересов и уровней их организации. Это прежде всего национальный интерес, который определяется относительно нации как таковой, то есть политической системы в целом [5, с. 131].

Конкретное наполнение понятия «государственный интерес» менялось по мере развития общества, усложнения его экономической инфраструктуры. Безопасность страны, прочность ее государственного суверенитета по-прежнему напрямую зависели от мощи вооруженных сил, но сама она обуславливалась не только численностью армии и флота, но и качеством их оснащенности, а это было уже связано с уровнем развития промышленности. Забота о наращивании экономического потенциала постепенно становилась одной из важнейших составляющих государственных интересов ведущих стран мира. А это сразу резко усложняло всю деятельность, связанную с разработкой и реализацией концепции государственных интересов. Наряду с силовыми методами все большую роль в обеспечении безопасности начали отводить политико-дипломатическим средствам.

Наибольшее внимание изучению феномена национального интереса уделялось на протяжении XX в., особенно во второй его половине. Безусловное лидерство в исследованиях по данной проблематике принадлежит американским ученым, в первую очередь, школе «политического реализма» (ее иногда называют школой «национального интереса»).

Среди идеологов школы «политического реализма» наибольшую известность приобрел Г. Моргентау. Он рассматривал национальный интерес в тесной взаимосвязи с понятием силы: «Цели внешней политики должны определяться в терминах национального интереса и подкрепляться соответствующей силой» [12, с. 137]. Силу же государства, по мнению Моргентау, формируют такие компоненты, как: географическое положение, природные и людские ресурсы, промышленный и военный потенци-

ал, национальный характер, качество государственного руководства и дипломатии. Моргентау считал, что национальный интерес относится к сфере внешней политики государства и в то же время связан с системой законов, регулирующих внутригосударственную политику. Связывая понятие национальных интересов с понятием силы, Моргентау переходил затем к более широкой категории — балансу сил.

С начала 1960-х гг. американский международник А. Уолферс попытался соединить реалистическое понимание национального интереса с субъективистским течением. По его словам, существующие объективно по отношению к государству факторы могут определить его внешнюю политику сквозь призму личностного отношения субъекта, принимающего решения. Иными словами, «национальный интерес» может означать разные вещи для людей. Исследуя феномен национального интереса и отмечая отсутствие его четкого общепризнанного определения, А. Уолферс больше склоняется к такому термину, как «национальные цели», описывая взаимосвязь государственных интересов и интересов отдельного индивида через соотношение «прямых» и «косвенных» национальных целей. К «прямым» национальным целям им относятся, в частности, обеспечение национальной независимости и национальной безопасности. Такие цели имеют значение для отдельных индивидов исключительно в том случае, если те отождествляют себя со своим национальным государством [3, с. 10].

Теоретические дискуссии, начатые в США, стимулировали интерес к рассматриваемой проблеме и в западноевропейских странах, прежде всего во Франции, Великобритании и Германии. Особо следует выделить труды французских теоретиков международных отношений Р. Арона, П. Ренувена, Ж. Б. Дюрозеля, Р. Дебрэ; английских исследователей Дж. Френкеля, М. Батлера и др. [19–21].

Так, по мнению Р. Арона, плюрализм целей, средств и ресурсов, которыми располагают различные индивиды и группы внутри государств, не образует некую равнодействующую и не позволяет оценить «национальный интерес» как критерий анализа или идеал для политического деятеля [19, р. 101]. Внешняя политика государства, как считал Арон, выражается в действиях его лидеров. При этом большое значение имеют личные мотивы и амбициозные устремления. Однако положение государственных лидеров обуславливает их стремление

создать такое впечатление, будто в основе всех их действий лежит национальный интерес [18, с. 292]. В то же время, это понятие напоминает правителям, что их главными целями являются безопасность и величие государства.

В представлениях Ж.-Б. Дюрозеля, интерес, по сути, непознаваем: «Было бы, конечно, хорошо, если бы существовала возможность определить объективный национальный интерес. Тогда можно было бы довольно просто исследовать международные отношения путем сравнения национального интереса, предлагаемого лидерами, и объективного национального интереса. Беда, однако, состоит в том, что любое размышление об объективном национальном интересе является субъективным» [20, р. 88].

Представители либерального направления подвергают сомнению саму правомерность использования понятия «национальный интерес» в целях анализа или же в качестве критерия внешней политики. В этой связи предлагается в качестве побудительных мотивов действий участников международных отношений считать не интерес, а «национальную идентичность». Говоря о национальной идентичности, подразумевают язык и религию как основу национального единства, культурно-исторические ценности и национально-историческую память и т. п. [18, с. 292–293]. Как отмечает П. А. Цыганков, «...теоретики либерально-идеалистической парадигмы и вдохновляющиеся их идеями практики готовы согласиться с существованием национальных интересов только при условии, что их содержанием должны быть признаны моральные нормы и глобальные проблемы современности <...> Защита нравственных ценностей и ответы на глобальные угрозы выходят далеко за рамки национальных границ. Отсюда заявления о том, что главная задача, стоящая сегодня перед демократическими государствами, не защита национальных интересов, а забота о моральных принципах и правах человека» [18, с. 293].

Таким образом, внимание западноевропейских ученых привлекает не только чисто теоретическое, но и прикладное значение концепции — проблемы безопасности в Европе, и, следовательно, европейские интересы (точнее, интересы европейского сообщества) в различных регионах и на мировой арене в целом, взаимодействие национальных интересов в рамках западноевропейской интеграции. Все это приобретает особую актуальность в условиях обострения межгосударственных и внутригосударствен-

ных конфликтов, проявляющихся в форме языковых, религиозных, этнотерриториальных и других противоречий. В этой связи национальные интересы уже не рассматриваются как нечто, присущее периоду конфронтации и «холодной войны». Проблемы, возникающие на европейском континенте (нестабильность в странах Восточной Европы, образование новых государств со всеми вытекающими последствиями), диктуют пересмотр подходов государств к осознанию своих национальных интересов.

В то же время, некоторые исследователи склонны полагать, что в настоящее время в связи с процессами глобализации традиционно понимаемые национальные интересы теряют свою значимость. В частности, такой точки зрения придерживается канадский ученый М. А. Молчанов: «...в нынешнюю эпоху глобализации, или, точнее, глобального капитализма, по мере успехов последнего и особенно после ухода с исторической сцены „социалистического лагеря“ понятие национального интереса на Западе выходит из моды. Рост и институционализация межнациональных и транснациональных связей в сферах производства (ТНК), финансов (свободное движение капитала), политики и управления (международные органы, соглашения, режимы торговли и коммуникаций), наконец, гражданского общества (международные неправительственные организации и неформальные объединения) ведут, по всеобщему убеждению, к ослаблению роли нации-государства» [11, с. 12].

На этот факт, по мнению Молчанова, указывает то обстоятельство, что выпуск промышленной продукции иными ТНК уже сопоставим с ВВП среднеразвитого государства третьего мира, сама же корпорация в своей деятельности руководствуется не национальным законодательством, а прежде всего, соображениями бизнеса. С учетом того, что национальные экономики слаборазвитых государств могут быть целиком привязаны к одной из таких корпораций, их суверенитет оказывается в залоге у «деловых пришельцев». И на политической родине ТНК не подлежат демократическому контролю. Государства «Большой семерки» тоже заинтересованы в сохранении уже имеющегося присутствия транснационального производства на своей территории и привлечении новых капиталов. Таким образом, бизнес-интересы становятся неотличимыми от национальных, последние же в свою очередь теряют собственную национальную специфику [11, с. 12].

Кроме того, остатки национального суверенитета размывают и международные политические и политико-экономические структуры. Имеется в виду коллективное вмешательство под эгидой ООН во внутренние дела суверенных государств в виде миротворчества или гуманитарной интервенции для защиты систематически нарушаемых прав человека. Однако не следует считать, что глобализация ведет к исчезновению национальных интересов. Наличие общей заинтересованности не препятствует столкновению различных интересов в конкурентной сфере [11, с. 12–13].

Сегодня в понятии «государственные интересы» выделяются, как правило, следующие составляющие: стратегические, политические, экономические, правовые и идеологические интересы. Именно их переплетение и формирует государственный интерес. Естественно, что соотношение, удельный вес этих составляющих каждой страны в различные исторические эпохи был неодинаковым, но с того момента, когда началось становление государства современного типа, они всегда присутствовали в понятии «государственные интересы». Появление у ведущих стран четких, долговременных, осознанных правящими элитами государственных интересов внесло в международные отношения известную стабильность и предсказуемость.

В нашей стране в отличие от США и Западной Европы, где «национальный интерес» давно входит в число базовых научных категорий, понятие «национальные интересы страны» появилось с начала 90-х гг. XX в., когда Российская Федерация утвердила себя как суверенное государство. В это время начались и активные научные дебаты о применимости термина «национальные интересы».

В первую очередь проблема определения национальных интересов России и формирования в соответствии с этим концепции национальной безопасности нашла отражение в разработках различного рода политических партий и движений. На фоне процессов дезинтеграции и регионального сепаратизма для российских политиков особо актуальным стал вопрос определения своей позиции по отношению к России как государственному образованию, что предполагало в свою очередь обоснование общих для всех входящих в него народов национальных интересов и соответствующей этим интересам концепции национальной безопасности.

Объективной трудностью при этом яв-

лялась малоприменимость наработанных в этом отношении мировой наукой терминологии и критериев для российской действительности. Выработанные европейской наукой концепции национальных интересов как совокупности интересов граждан национального государства и национальной безопасности как системы государственной защиты их личности и собственности, основывающиеся на реально существующем на Западе гражданском обществе. Концептуализация национальных интересов и национальной безопасности России в процессе становления гражданского общества и перехода к консолидированной демократии со всей очевидностью потребовала достаточно оригинальных и самостоятельных подходов.

При анализе многочисленных формулировок российских «национальных интересов» довольно сложно выделить какие-либо сложившиеся школы или направления. Эта проблема касается не только сферы изучения национальных интересов, но и в целом теории международных отношений, в рамках которой традиционно изучается данная категория. Как справедливо отмечает П. А. Цыганков, «...особенностью современной теории международных отношений в России является ее нерасчлененность на школы: нет сложившихся и различных „струй“ международно-политического анализа, подлежащих выделению на основе сколько-нибудь многочисленных и оппонирующих друг другу групп книг и монографий. Вместо них — набор подходов (уже многообразный) или даже политических вкусов и интуитивных предпочтений, согласно которым авторы неодинаково трактуют одни и те же явления международной жизни, сообразуя „исследовательские“ выводы со своими априорными ожиданиями, а не выверяя корректность заключений на базе строгих методик» [10].

На основе анализа дискуссий о правомерности использования и содержания понятия «национальный интерес» можно по аналогии с западными исследованиями выделить два основных подхода — реалистский и либеральный (либерально-идеалистский). Представители реализма исходят из того, что «...национальный интерес остается базовой категорией всех без исключения государств мира. И пренебрегать им было бы не просто ошибочно, но и крайне опасно» [9, с. 80]. Национальный интерес с позиций сторонников реализма является базовой категорией всех без исключения государств мира и не может сводиться к со-

вокупности интересов граждан, поскольку учитывает множество объективных факторов — социально-экономических, геополитических, демографических и др.

Сторонники либерального подхода, исходя из того что в основе национальных интересов лежат соображения экономического благосостояния, а не политического и военного влияния, первоначально стремились отмежеваться от этого понятия, показать его несущественность как инструмента анализа и опоры внешней политики. Подобная точка зрения представлена в работах Д. Фурмана, А. Торкунова, О. Аболина и др. [1]. Так, по словам Д. Фурмана, «...мы... резко преувеличиваем роль национальных интересов (термин не очень определенный <...> но подразумевающий нечто материальное — нефть, деньги, территорию, военную мощь) и недооцениваем роль более „тонких“ психологических факторов» [17, с. 11]. «Национальный интерес, — утверждает ученый, — псевдопонятие, аналогичное другому родственному псевдопонятию „классового интереса“, очень удобное, в силу своей неопределенности и эмоциональной „заряженности“, для политической полемики, но непригодное для научного обсуждения и анализа» [8, с. 66].

Иными словами, в демократическом обществе национальный интерес должен формироваться на основе обобщения интересов граждан, в противовес авторитарным обществам, для которых, по мнению сторонников либерального подхода, свойственно преобладание интересов государства над интересами личности. В конечном счете, с точки зрения российских либералов, вопрос о национальных интересах носит в основном второстепенный характер и потому должен быть подчинен целям демократических преобразований и создания гражданского общества.

С позиций российского либерализма также высказывались сомнения в применимости понятия «национальный интерес» к многоэтническим государствам вообще и к России, в частности. Поэтому некоторые авторы предлагали говорить не о национальных, а о «государственных» интересах, противопоставляя таким образом первые вторым [15, с. 116, 117]. Часть авторов исходили из понимания нации как политического субъекта и придерживались точки зрения, согласно которой, «...обсуждая концепт „национального интереса“, прежде всего надо отрешиться от ассоциаций с национальностью-этничностью» [4, с. 87]. Но и здесь не было единства относительно того,

что понимать под «нацией» — «двуединство суверенного территориального государства и гражданского общества» или же «...некое предполагаемое единство населения территориального государства с объемлющими соответствующую территорию интегративными властными структурами» [4, с. 81, 87].

Часть исследователей и политиков пытались найти компромисс между попытками абсолютизации национальных интересов и их отрицанием путем выявления неких постоянных и неизменных факторов, которые формируют национальный интерес государства, знание и учет которых позволяют проводить правильную государственную политику. Приверженцы данного направления, как правило, сближают национальный интерес с интересом государства, рассматривая государство в качестве основного средства выражения национальных интересов. Примером может служить позиция Э. А. Позднякова, по мнению которого, национальный интерес возникает при единстве интересов общества и государства. «Высший и, быть может, конечный национально-государственный интерес — в создании гармоничного единства частного интереса граждан с общей целью государства на основе самобытной природы и духа его народа. От степени этого соединения существенным образом зависят устойчивость и безопасность общества и государства, взятых во внутреннем их измерении» [14, с. 94].

Подобные дискуссии были характерны в основном для начала и середины 1990-х гг. Но уже к концу 1990-х гг. подавляющее большинство отечественных ученых и политиков оценивали понятие «национальный интерес» как вполне приемлемое и с теоретической, и с практической точек зрения. Немаловажное значение, на наш взгляд, имело нормативное закрепление категории национальные интересы в ряде официальных документов. Так, в 1992 г. с принятием Закона «О безопасности» акцент делался на понятие «жизненно важные интересы личности, общества, государства». Такая формулировка, с одной стороны, обходила терминологически проблему национальных интересов, а с другой — выводила представления за рамки одних только государственных интересов [2]. В 1996 г. термин «национальные интересы России» упоминался в Послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию, интерпретируясь как «...основа формирования стратегических задач внутренней и внешней политики страны», а также «...интегрированное

выражение жизненно важных интересов личности, общества, государства» [13].

В Концепции национальной безопасности Российской Федерации 1997 г. была дана развернутая система национальных интересов России «...в области экономики, во внутривнутриполитической, международной, оборонной и информационной сферах, в социальной области, духовной жизни и культуре» [6]. В редакции 2000 г. она была дополнена характеристикой национальных интересов в области пограничной политики [7].

В ныне действующем документе — Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. — национальные интересы определяются как «...совокупность внутренних и внешних потребностей государства в обеспечении защищенности и устойчивого развития личности, общества и государства» [16]. В Стратегии не содержится ни градации национальных интересов по степени важности, ни их разделения по сферам общественной жизни (как это было в Концепции 2000 г.). Отмечается, что «...национальные интересы Российской Федерации на долгосрочную перспективу заключаются: в развитии демократии и гражданского общества, повышении конкурентоспособности национальной экономики; в обеспечении незыблемости конституционного строя, территориальной целостности и суверенитета Российской Федерации; в превращении Российской Федерации в мировую державу, деятельность которой направлена на поддержание стратегической

стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях многополярного мира [16].

Основное внимание в новой Стратегии уделено понятию «стратегические национальные приоритеты», под которыми понимаются «...важнейшие направления обеспечения национальной безопасности, по которым реализуются конституционные права и свободы граждан Российской Федерации, осуществляются устойчивое социально-экономическое развитие и охрана суверенитета страны, ее независимости и территориальной целостности» [16].

Таким образом, несмотря на ведущиеся дискуссии, категория национальные интересы является основополагающим, методологически важным понятием государственной политики, обеспечивающим понимание важнейших ориентиров развития страны, путей приращения ее мощи, действий руководителей войск и органов политической системы во благо государства и общества. По объему она шире используемых в политической практике понятий «государственные интересы», «жизненно важные интересы». *Национальные интересы* — категория, ассоциируемая с масштабом нации-государства или страны в целом. И, несмотря на иногда различное понимание национальных интересов, любое государство при определении национальной стратегии исходит из положения, что реализация национальных интересов является главным условием обеспечения его национальной безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аболин О. Ю. Отказ от принципа «абсолютного суверенитета» / О. Ю. Аболин // Полис. — 1995. — № 1. — С. 72—74.
2. Закон Российской Федерации «О безопасности» от 5.02.92 // Ведомости Верховного Совета РФ. — 1992. — № 15.
3. Запад : новые измерения национальной и международной безопасности / О. А. Колобов, Д. Г. Балуев, Д. В. Кабешев [и др.]. — Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 1997. — 345 с.
4. Ильин М. В. Критерий современности в политике / М. В. Ильин // Полис. — 1995. — № 1. — С. 80—87.
5. Ильин М. В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий / М. В. Ильин. — М. : РОССПЭН, 1997. — 432 с.
6. Концепция национальной безопасности Российской Федерации. — М. : Моск. обществ. науч. фонд, 1998. — 40 с.
7. Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Рос. газ. — 2000. — 18 янв.
8. Концепция национальных интересов : общие параметры и российская специфика (материалы «круглого стола») // Мировая экономика и междунар. отношения. — 1996. — № 7. — С. 53—69.
9. КОРТУНОВ С. В. «Имперское» и национальное в российском сознании / С. В. КОРТУНОВ // Междунар. жизнь. — 1998. — № 6. — С. 78—84.
10. Мировая политика : теория, методология, прикладной анализ / отв. ред. А. А. Кокошин,

А. Д. Богатуров [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.obraforum.ru/Mirovaia_politika/section2.htm. — Загл. с экрана.

11. Молчанов М. А. Дискуссионные проблемы понятия «национальный интерес» / М. А. Молчанов // Полис. — 2000. — № 1. — С. 7–22.

12. Моргентау Г. Реалистическая теория международной политики / Г. Моргентау // Теория международных отношений. — Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 2001. — С. 130–141.

13. О национальной безопасности. Послание Президента РФ Федеральному собранию // Независимая газ. — 1996. — 14 июня.

14. Поздняков Э. А. Нация, национализм, национальные интересы / Э. А. Поздняков. — М. : Прогресс-Культура, 1994. — 128 с.

15. Сорокин К. Э. Государственные интересы как обобщение национальных / К. Э. Сорокин // Полис. — 1995. — № 1. — С. 116–121.

16. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Рос. газ. — 2009. — 19 мая.

17. Фурман Д. Внешнеполитические ориентиры России / Д. Фурман // Россия и мусульманский мир. Бюллетень реферативно-аналитической информации. — 1995. — № 12 (42).

18. Цыганков П. А. Теория международных отношений / П. А. Цыганков. — М. : Гардарики, 2005. — 590 с.

19. Aron R. Paix et Guerre entre les Nations / R. Aron. — Paris : Calmann-Levy, 1984. — 251 p.

20. Duroselle J.-B. Tout empire perira. Une vision theorique des relations scene internationale / J.-B. Duroselle. — Paris : Armand Colin, 1992. — 345 p.

21. Frankel J. International Politics : Conflict and Harmony / J. Frankel. — London : Academy Editions, 1969. — 396 p.

Поступила 09.06.10.

СОВРЕМЕННЫЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Д. В. Доленко

В статье анализируются региональные конфликты современного мира и политико-правовые проблемы их урегулирования. Рассматривается соотношение права народов на самоопределение и территориальной целостности государства, государственного суверенитета, гуманитарного и антитеррористического интервенционизма, а также другие аспекты урегулирования конфликтов.

Современный мир — мир после окончания холодной войны. Постбиполярный мир коренным образом отличается от мира второй половины XX в. с точки зрения природы и значения конфликтов в мировой политике.

Биполярный мир (холодная война) — это мир глобального конфликта. Сущность мировой политики в тот период составлял глобальный конфликт двух общественно-политических систем (капитализма и социализма, или свободного мира и тоталитаризма). Этот конфликт функционировал в широком диапазоне международных отношений: от мирного сосуществования до регио-

нальных и локальных вооруженных конфликтов, от идеологической борьбы до поддержки антисистемных, оппозиционных сил внутри этих систем, но суть этих отношений состояла в глубокой, непримиримой конфронтационности. Это был мировой конфликт альтернативных общественных систем, претендовавших на универсальный, общемировой характер, на повсеместное распространение и утверждение своих институтов и ценностей как единственно правильных и справедливых.

В современном постбиполярном мире глобального конфликта альтернативных общественных систем больше не существует.

© Д. В. Доленко, 2010